

КРЕСТ ИВАНА ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДВУХ
НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ

Author(s): VLADIMIR ZEMTSOV

Source: *Revue des études slaves*, Vol. 83, No. 4, 1812, la campagne de Russie : Histoire et représentations (2012), pp. 1071-1090

Published by: Institut d'études slaves

Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/43272238>

Accessed: 29-07-2015 22:14 UTC

Your use of the JSTOR archive indicates your acceptance of the Terms & Conditions of Use, available at <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp>

JSTOR is a not-for-profit service that helps scholars, researchers, and students discover, use, and build upon a wide range of content in a trusted digital archive. We use information technology and tools to increase productivity and facilitate new forms of scholarship. For more information about JSTOR, please contact support@jstor.org.



Institut d'études slaves is collaborating with JSTOR to digitize, preserve and extend access to *Revue des études slaves*.

<http://www.jstor.org>

КРЕСТ ИВАНА ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДВУХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ

PAR

VLADIMIR ZEMTSOV

*Université pédagogique d'État de l'Oural – Université fédérale de l'Oural
Ékatérinbourg*

Около двух часов утра 23 октября (н. ст.) по приказу Наполеона отходившие части французского гарнизона взорвали московский Кремль. Было разрушено здание Арсенала, Никольская, обе Арсенальных, Водовзводная, 2-я Безымянная и Петровская башни, во многих местах обрушились кремлевские стены. В груды камней была превращена Рождественская звонница и Филаретовская пристройка, примыкавшие к колокольне Ивана Великого. Сама колокольня устояла. Однако креста на ней к тому времени уже не было...

Колокольня Ивана Великого, увенчанная крестом, ярко горевшем на солнце, издавна воспринималась как символ могущества и несокрушимости России, свидетель ее непобедимости. Что же стало с крестом, венчавшим ее купол, сброшенным и похищенным Наполеоном? 19 ноября (ст. ст.) 1812 г. Александр I напишет М. И. Кутузову:

Князь Михайло Ларионович! Присланный от вас курьером штабс-капитан Байков, будучи мне лично представлен, между прочим, объявил, что будто бы похищенный в Москве с колокольни Ивана Великого крест отбит нами у неприятеля, изъясняя, что он основывает сие донесение на изустном вашем о том приказании. Не имея о сем никакого подтверждения и даже прибывший после него полковник Шнейдер объявил, что сие ему неизвестно, я желаю, чтоб вы донесли мне об оном с первым курьером¹.

1. Н. Дубровин, *Отечественная война в письмах современников*, Москва, ГПИБ, 2006, № 256, с. 336-337. К опубликованному документу Н. Дубровин сделал примечание: «На этом рескрипте неизвестною рукою сделана помета “Ответствовано, что креста нет”».

Сразу после получения рескрипта царя М. И. Кутузов ответил, что о судьбе креста ему ничего не известно².

Русские войска так и не отобьют крест Ивана Великого у неприятеля. Но он будет неожиданно обретен в московском Кремле в марте 1813 г. 29 марта (ст. ст.) газета *Московские ведомости* поспешила уведомить об этом российскую публику:

Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле, у стены большого Успенского собора близ северных дверей с винтами, кои, как и крест, вызолочены были червонным золотом. Он во многих местах поврежден, вероятно, от падения с большой высоты. При бывшем по сему случаю осмотре находился и тот самый кузнечный мастер Ионов, который был употреблен при делании сего креста. Открыли, что оный крест был увезен всемирным врагом вместо трофея. Теперь из сего обстоятельства заключить можно, что увезенный неприятелем из Кремля крест снят был, вероятно, из смежного с Ивановской колокольнею здания, так называемого Филаретовского; ибо во всем Кремле недоставало токмо сих двух крестов, из которых последний несравненно менее первого и таковой позолоты не имел³.

Тогда же, «через посредство весьма почтенной духовной особы» (вероятно, московского епископа Августина), об обретении креста был уведомлен и *Вестник Европы*, немедленно давший опровержение на статью в *Сыне Отечества*, в котором говорилось, что крест с Ивана Великого вывезен французами в качестве трофея. Получалось, что если Наполеон и похитил какой-то крест, венчавший купола московского Кремля, то это мог быть крест с Филаретовой пристройки⁴.

С тех пор и до середины 30-х гг. XIX в. российских подданных вопрос об исчезновении и обретении креста с колокольни Ивана Великого не волновал. Исключение составит только оправдательная книга Ф. В. Ростопчина *Правда о пожаре Москвы*, изданная в Париже в 1823 г. Оспаривая правдивость 23-го бюллетеня Великой армии Наполеона от 9 октября 1812 г., где говорилось об отправке «московских трофеев» в Париж (отметим, что там крест Ивана Великого в бюллетене даже не был упомянут), Ростопчин написал:

2. М. И. Кутузов, Сборник документов, Москва, Воениздат, 1955, т. 4, ч. 2. № 545, с. 530-531; И. А. Груцо, *Сокровища Наполеона: история, версии, поиски, картография*, Москва, Военное изд., 2010, с. 49-50.

3. Груцо, ук. соч., с. 48.

4. *Вестник Европы*, 1813, ч. 67, № 1-2, с. 149. Отметим, что в развалинах звонницы на месте Рождественской звонницы и Филаретовой пристройки два креста, их венчавшие, тоже были найдены! Об этом сообщил ключарь Архангельского собора А. Гаврилов епископу Августину, а тот, в свою очередь, доложил о событии обер-прокурору Святейшего Синода А. Н. Голицыну.

По-видимому, этот трофей [(икона Богоматери, украшенная алмазами – В.З.] не смог достичь Франции, точно так же как тот огромный крест, который воз вышался на огромной колокольне, называемой Иван Великий [в тексте опечатка – Fvanveliki – В.З.]; он был из позолоченного железа; но немецкий путешественник, Адам Олеарий, который приезжал в Москву во время царя Алексея, утверждал (я не знаю, на каком основании), что этот крест из позолоченного массивного серебра: поэтому, как увидел, что он из железа, то был брошен⁵.

Ситуация изменилась после того, как работа Ф.-П. Сегюра [Philippe-Paul, comte de Ségur (1780-1873)], в 1812 г. г. главного квартирьера Главной квартиры Наполеона, вышедшая в Париже в 1824 г., получила широкую популярность. В ней говорилось о том, что на пути от Гжатска до Михайловской пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: «здесь были потоплены пушки, старинные доспехи, украшения Кремля и крест с Ивана Великого»⁶. Версию Сегюра повторил в *Истории Наполеона Бонапарта* Вальтер Скотт. В начале 30-х гг. XIX в. произведение Скотта было переведено на русский язык и стало достоянием читающей российской публики⁷. Смоленский губернатор Н. И. Хмельницкий загорелся идеей во что бы то ни стало отыскать «сокровища Наполеона», среди которых должен был находиться и крест Ивана Великого. «Семлевским о зером», по мнению Хмельницкого, было о. Глубокое возле с. Семлево, в 27 верстах к западу от Вязьмы. С этого времени, вначале силами саперной команды прапорщика фон Людовича, а затем подполковника Четверикова, были начаты широкомасштабные поисковые работы⁸. Результатами всех усилий было выявление на дне озера груды камней с высоким содержанием пирита.

Несмотря на неудачу, в 80-е гг. XIX в. местный помещик Шагаров продолжил поиски, которые также закончились ничем. Однако в преддверии 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., благодаря

5. «Il paraît que ce trophée (une madone enrichie de diamants – В.З.) n'est pas parvenu jusqu'en France, de même que cette énorme croix qui surmontait le grand clocher nommé Fvanveliki elle était de fer doré; mais un voyageur allemand, Adam Olearius, qui vint à Moscou du temps du czar Alexis, prétendait (je ne sais de quelle autorité) que cette croix était d'argent massif doré: aussi, quand on a vu qu'elle était de fer, on l'abandonna» (F. V. Rostopchine, *la Vérité sur l'incendie de Moscou*, Paris, Ponthieu, 1823, p. 38).

6. «... des canons, des armures gothiques, ornements du Kremlin, et la croix du grand Yvan y furent noyés...» (Ph.-P. Ségur, *Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812*, 4^e éd., Bruxelles, Arnold Lacrosse, 1825, t. 2, p. 131).

7. В. Скотт, *Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов*, пер. С. Шаплет, Санкт-Петербург, Тип. И. Глазунова, А. Смирдина, 1832, т. 10 [Walter Scott, *the Life of Napoleon Buonaparte, emperor of the French*, 9 vol., Paris, Treuttel & Würtz, 1827].

8. См.: Груцо, ук. соч., с. 64-67.

археологу-любителю Е. Н. Клетновой, интерес к Семлевскому озеру, «хранившему» в себе крест с колокольни Ивана Великого, снова возрос, результатом стало экспедиция археолога Н. А. Скворцова, деятельность которой была прервана Первой мировой войной. Подводя итоги поискам дореволюционного времени, можно сказать, что они были инициированы фактически одной фразой, вскользь брошенной Сегюром. Однако уже первые попытки найти «сокровища» и крест, предпринятые местными властями, неизбежно породили пересуды среди местных крестьян, на основе которых стали уже циркулировать «предания», ставшие, в свою очередь, в начале XX века обоснованием для начала новых поисков заветного креста с колокольни Ивана Великого.

Тем не менее, еще более масштабные поиски семлевских сокровищ развернулись с начала 1960-х гг. Инициатором их стал историк-любитель Ю. А. Богомолов, который, как в свое время и Хмельницкий, был подвигнут к этому книгой Вальтера Скотта! На протяжении последующих 20 лет в поисках были задействованы тысячи людей, была использована новейшая для того времени техника и затрачены гигантские денежные и другие материальные средства. Поисковикам давал исторические консультации Л. Г. Бескровный, признанный в те времена ведущим специалистом по истории Отечественной войны 1812 г., работы которого поражают современных исследователей вопиющей некомпетентностью. К озеру была протянута линия электропередачи ЛЭП, работали, временами проваливаясь под лед, экскаваторы, испытывались новые кессоны. Многочисленные публикации в популярных газетах и журналах *Комсомольская правда*, *Техника – молодежи*, видеосюжеты, передачи по радио продолжали будоражить воображение тысяч и тысяч советских граждан. Так рождался и проходил апробацию новый, советский, механизм формирования слухов, легенд и мифов.

Характерной особенностью всех поисков дореволюционного и советского времени было более чем беглое знакомство их инициаторов и «идеологов» с письменными источниками, исходившими от чинов Великой армии. Толчок, данный Сегюром в пересказе В. Скотта, в дальнейшем подкреплялся почти исключительно легендами и домыслами собственного, отечественного происхождения. Профессиональные историки, занимавшиеся изучением войны 1812 г., оказывались, как правило, в стороне от генерирования легенд о «сокровищах Наполеона», среди которых мог находиться крест с Ивана Великого. Исключение, по-видимому, составил только К. А. Военский, в архиве которого⁹ сохранились выписки, сделанные им из книг секретаря-

9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Ф. 152, К. А. Военский, № 327. Что же касается Л. Г. Бескровного, дававшего консультации по просьбе редак-

архивиста Наполеона А. Фэна [Agathon Jean François Fain (1778-1837)], камердинера французского императора Константа [Louis Constant Wairy (1778-1845)] и Э. Марко де Сент-Илера [Émile Marco de Saint-Hilaire (1790-1887)]¹⁰. Познакомился Военский и с публикацией историка Е. С. Шумигорского, который полагал, что крест из Москвы так и не был вывезен, и в 1813 г. хранился в Успенском соборе¹¹.

В конце XX – начале XXI вв. поиски креста, а, главное, попытки разобраться с сутью проблемы, были возобновлены. К активным «поисковикам» следует отнести, прежде всего, известного кладоискателя А. Г. Косарева. В ходе отрывочного знакомства с письменными материалами, нередко истолкованными им весьма своеобразно, и, исходя из результатов прежних поисков, он пришел к выводу, что крест с колокольни Ивана Великого был разобран на две части; один его фрагмент затонул в р. Лосмина (Лосминка) в полукилометре от шоссе Смоленск-Красный 15 ноября (надо полагать, н. ст.) 1812 г., а следы другого фрагмента теряются в районе Вильно и Понарских высот¹².

Более разносторонне рассмотрел проблему белорусский историк доцент Белорусского государственного университета И. А. Груцо. Наряду с практическим опытом поисков артефактов войны 1812 г., Груцо попытался как можно полнее восстановить историю «охоты» за «сокровищами Наполеона» на основе значительного объема письменных источников. В частности, он познакомился со списком «московских трофеев», вывезенных из русской столицы, по всей видимости, 11 октября (н. ст.) 1812 г., и который был опубликован еще в 1846 г. Э. Марко де Сент-Илером. Груцо пришел к выводу, что «главная ошибка кладоискателей заключалась в излишней доверчивости к сведениям из мемуаров участников “русской кампании” о конкретных местах захоронения награбленных в Москве ценностей»¹³. В отношении же судьбы креста с колокольни Ивана Великого Груцо высказывал предположение о том, что железный каркас креста так и остался в Кремле, на месте, и был весной 1813 г. найден, а позолоченные пластины, которыми он был обшит, могли стать частью слитков драгоценных металлов, в которые были переплавлены многочисленные церковные украшения кремлевских храмов.

ции «Комсомольской правды», то с зарубежными источниками он совершенно не был знаком.

10. Французский историк и писатель, запечатлевший в своих работах желание восславить Первую Империю.

11. *Новое время*, 1911, 28 июля.

12. А. Г. Косарев, Е. В. Сотсков, *В поисках сокровищ Бонапарта: русские клады французского императора*, Москва, Вече, 2005, с. 165-188.

13. Груцо, ук. соч., с. 159.

Иной исследовательский подход применил А. И. Попов. Он попытался проанализировать основной массив французских (с привлечением немецких и польских) письменных материалов, сопоставляя их между собой и выявляя, таким образом, имеющиеся в них противоречия. Его общий вывод также оказался неутешительным: «... разноречивые показания мемуаристов не позволяют установить точный путь следования» кремлевских трофеев. Поэтому автор только выражал надежду на обретение в дальнейшем во французских архивах каких-либо документов, проливающих свет на этот вопрос¹⁴.

Основными материалами нашей статьи также оказались зарубежные письменные источники, но ракурс предлагаемого исследования обращен на то, как возникла и развивалась во французской мемуарной и исторической литературе сама тема «креста Ивана Великого». Это, по нашему мнению, может дать шанс «отделить зерна от плевел» в рамках, в сущности, весьма ограниченного круга источников, с которыми обычно и имеет дело исследователь этой запутанной 200-летней истории о «кресте».

Начнем с того, как выглядел и как был изготовлен крест, сброшенный в 1812 г. Наполеоном. Крест, сброшенный Наполеоном с колокольни Ивана Великого, был изготовлен в 1811 г. и был, по-видимому, аналогичен прежнему, возвышавшемуся до него¹⁵. Крест был восьми-конечный, имевший в основе железный каркас, в который был вставлен деревянный крест. Сверху вся эта конструкция была обшита медными (менее вероятно – серебряными) вызолоченными пластинами. Высота креста, по разным сведениям, была от 2-х саженьей 2-х аршин до 3-х саженьей¹⁶. У основания креста было «яблоко», сделанное из железа и так же, как и крест, обшито вызолоченными пластинами.

Чем руководствовался французский император, приказавший сбросить крест с колокольни Ивана Великого? Современники и свидетели этого события оставили нам следующие суждения. «... Наполеон покинул Кремль после того как снял крест колокольни Ивана Великого, который он отправил во Францию как символ своего завоевания», –

14. А. И. Попов, «Кремлевские трофеи Наполеона», в сб.: *Эпоха 1812 года: исследование, источники, историография*, т. VII, Москва, ГИМ (Труды ГИМ, вып. 179), 2008, с. 126-134.

15. Этот крест хорошо виден на картинах, запечатлевших «допожарную» Москву Ф. Я. Алексеевым и его учениками, а также на известных гравюрах 1762, 1805 и 1809 гг.

16. Сержант полка фузелеров-гренадеров Императорской гвардии Ф. Ж. Б. Ф. Бургонь [Adrien-Jean-Baptiste-François Bourgogne (1785-1867)] пишет о 30 футах высоты. Грузо, реконструируя внешний вид креста, пишет (основываясь, вероятно, только на мемуарах Бургоня, который сам креста не видел) о том, что в деревянную основу был помещен золотой крест в 30 см.

записал кюре французской церкви в Москве аббат А. Сюрюг [Adrien Surugue (1753-1812)] в свой журнал, составленный во время и сразу после событий¹⁷. 28 сентября (н. ст.) Г. Ж. Р. Пейрюсс [Guillaume Joseph Peyrusse (1776-1860)], казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, сделал запись в дневнике:

Предметы, обреченные на уничтожение и пламень, принадлежат победителям, которые их сохранили, по праву <...>. Русский народ связывает обладание крестом Ивана Великого с сохранением столицы. Его в-во не думает, что будет вынужден вступить в еще какое-либо сражение с врагом, у которого нет других оружия <...>. Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был снят и помещен на дом Инвалидов¹⁸.

Сегюр, который опубликовал свою работу в 1824 г., кажется, был вполне солидарен с мнением Пейрюсса, но счел необходимым указать еще и на колебания в настроениях императора: «Беспокойство, которое он <Наполеон – В. З.> чувствовал, выражалось в гневных приказах. Тогда-то он и велел обобрать церкви в Кремле и взять оттуда все, что может служить трофеем для его великой армии. Эти предметы, обреченные на гибель самими русскими, говорил он, принадлежат теперь победителям на основании двойного права: благодаря победе и в особенности из-за пожара»¹⁹. Шеф батальона фузелеров-гренадеров гвардии Л. Ж. Вьонне де Марингоне [Louis Joseph Vionnet de Maringoné (1769-1834)] написал так:

... Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Говорят, что мотив, заставивший его снять этот крест, был тот, что у русских существовала пословица: если заходил разговор о какой-нибудь невозможной вещи, то говорили,

17. «... Napoléon quitte le Kremlin après avoir fait enlever la croix de la Tour Ivan-Véliko qu'il fit expédier en France comme un monument de sa conquête» (A. Surugue, *Mil huit cent douze : les Français à Moscou*, publ. R. P. Libercier, Moscou, F. Tastevin, [1909], p. 50-51).

18. «Les objets voués à la destruction et aux flammes appartenant de droit aux vainqueurs qui les avaient préservés. [...] Le peuple russe attachait à la possession de la croix de Saint Yvan la conservation de la capitale. Sa Majesté ne se crut obligée à aucun ménagement vis à vis d'un ennemi qui n'avait pas d'autres armes [...]. Elle ordonna que la croix de Saint Yvan serait enlevée pour être replacée sur le dôme des Invalides» (G. J. Peyrusse, *Mémorial et archives, 1809-1815*, Carcassone, P. Labau, 1869, p. 105).

19. «L'inquiétude dont il [Napoléon – V. Z.] était ressaisi se décelait par des ordes de colère. Ce fut alors qu'il fit dépouiller les églises du Kremlin de tout ce qui pouvait servir de trophée à la grande-armée. Ces objets, voués à la destruction par les Russes eux-mêmes, appartenaient, disait-il, aux vainqueurs, par le double droit donné par la victoire, et surtout par l'incendie» (Ségur, *op. cit.*, p. 64).

что это так же верно, как то, что крест с Ивана Великого отправится в Париж. Он <Наполеон – В. З.> захотел доказать обратное²⁰.

Мнение префекта императорского двора Л. Ф. Ж. Боссе [Louis François Joseph, baron de Bausset] было следующим: «Этот крест был снят, ибо русские расценивали его как палладиум, защищающий их Империю. Наполеон намеревался поместить его как трофей в столице метрополии, в Париже (comme un trophée dans la métropole de Paris)»²¹. М. Дюма [Mathieu Dumas (1753-1837)], главный интендант Великой армии, уточняет: «Намерение императора было... разместить его на куполе церкви, которую он строил у Лувра перед фасадом Музея». По мнению Дюма, крест был «объектом почитания и восхищения русского народа»²². Шевалье д'Изарн [François Joseph, chevalier d'Ysarn Villefort (1763-1840)], эмигрант и, так сказать, «московский француз», передал историю о том, что некий польский генерал, которого интересовало все, что было связано с историей России, сообщил Наполеону поверье, бытующее среди русских о том, что пока возвышается над Иваном Великим крест, французы не вступят в Москву²³. Наконец, достаточно развернутое обоснование мотивов, которыми руководствовался император, приказавший снимать крест, дал обер-штальмейстер императора А. О. Л. Коленкур [Armand Augustin Louis, marquis de Caulaincourt (1773-1827)], полный текст мемуаров которого вышел только в 30-е гг. XX в.:

Наполеон хотел отметить в Париже свое пребывание в Москве какими-либо трофеями и осведомился, какие предметы можно было бы, по его выражению, послать во Францию на память об успехах

20. «... Napoléon avait fait enlever les diamants, les perles, l'or et l'argent qui étaient dans l'église ; il avait aussi fait abattre la croix en vermeil qui surmontait le dôme de Saint-Iwan. On prétendit que le motif qui l'avait déterminé à faire descendre cette croix était parce qu'il y avait en Russie un proverbe pour désigner qu'une chose était impossible on disait : "Cela est vrai comme il est vrai que la croix de Saint-Iwan est allée à Paris.» (L. J. Vionnet de Maringoné, *Souvenirs...*, Paris, E. Dubois, 1899, p. 57).

21. «This cross was carried away because the Russians regarded it as the palladium which protected their empire. Napoleon intended to consecrate it as a trophy in the metropolis of Paris» ([L. F. J. de Bausset,] *Private anecdotes of Foreign Courts*, London, Henry Colburn, 1827, vol. 2, p. 314).

22. «L'intention de l'empereur était de la faire rétablir et placer sur la coupole de l'église qu'il faisait construire près du Louvre en face du Musée». «[La croix était l']objet de la vénération et de l'admiration du peuple russe» (M. Dumas, *Souvenirs*, Paris, E. Dumoulin, 1839, t. 3, p. 455-456).

23. [F. J. d'Ysarn de Villefort,] *Relation du séjour des Français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812...*, publ. A. Gadaruel, Bruxelles, Fr.-J. Olivier, 1871, p. 45. Этим польским генералом мог быть ни кто иной, как М. Сокольниковский, начальник бюро разведки Главного штаба.

нашего оружия. Он сам осмотрел весь Кремль, колокольню Ивана Великого и соседнюю с ней церковь²⁴.

Поляки уверяли, что железный крест на колокольне церкви Ивана Великого высоко почитается русскими, служит предметом почитания всех православных²⁵.

К основному тексту Коленкур сделал примечание о том, что императору была представлена некая «русская прокламация», «где сообщалось, что крест с Ивана Великого является священным объектом, сейчас оказался в руках врагов и стремление отбить крест у неприятеля является первым желанием всех верующих. Эта бумага заставила императора решиться»²⁶. Этими свидетельствами фактически и исчерпываются данные (которые можно было бы счесть заслуживающими внимания) о мотивах, которыми руководствовался Наполеон при снятии креста.

Что же касается мнений, бытовавших в среде российских подданных, то обычно говорилось об алчности Наполеона, вознамерившегося украсть золотой крест, который в действительности оказался медным или даже железным. Это видно уже из своеобразной полемики, которая развернулась в 1813 г. на страницах *Сына отечества*, *Вестника Европы* и *Московских ведомостей*²⁷.

И все же думается, что потрясение, которое многие русские испытали, увидев после ухода французов «разможженную» (А. С. Норов)

24. «Voulant, dans tous les cas, constater à Paris par quelques trophées le séjour qu'il avait à Moscou, il s'informa alors des objets qu'on pourrait envoyer, disait-il, en France, comme des souvenirs du succès de ses armes. Il visita lui-même toutes les parties du Kremlin, de l'église d'Ivan Viliki et de celle qui est à côté» (A. A. L. de Caulaincourt, *Mémoires*, Paris, 1933, t. 2, p. 58). Коленкур не указывает конкретную дату, когда Наполеон стал размышлять о необходимости приобретения «московских трофеев», но по контексту можно предположить, что это произошло уже после 24 сентября (н. ст.), когда русскими временно была перерезана Можайская дорога. Согласно «Дорожному дневнику» Коленкура, Наполеон, после проведения очередного парада 6-го октября (н. ст.), «посетил церкви Кремля» (Caulaincourt, *Mémoires*, t. 2, p. 37, n. 2). Но мы не сомневаемся, что первое знакомство Наполеона со зданиями московского Кремля произошло еще раньше.

25. «Les Polonais parlaient toujours à l'Empereur de la première comme de l'objet de la dévotion et même de la superstition des Russes» (Caulaincourt, *Mémoires*, t. 2, p. 58).

26. «... une proclamation russe qu'on apporta alors à l'Empereur ou un rapport qu'il reçut citait la croix d'Ivan Veliki comme un objet sacré resté aux mains des ennemis et dont la conquête devait être le premier vœu de tous les fidèles. Cette pièce déterminait l'Empereur» (*Ibid.*, t. 2, p. 58, n. 2).

27. Груцо, ук. соч., с. 47-49. См. также: «Письмо неизвестного. Февраль 1813 г.», в сб.: *Наполеон в России глазами русских*, Москва, Захаров, 2004, с. 165; «Суждение русского издателя записок Боволье ([Боволье] Записки современников о 1812 году», *Русская старина*, 1893, № 1, т. 77, с. 18) [Pierre Louis Valot, comte de Beauvillier (1761-1842)]; и др.

главу Ивана Великого, без креста, было вызвано утратой отнюдь не материального, но духовного и даже сакрального характера.

Когда же именно и каким образом крест был снят с колокольни? Совершенно определенно, что снятие креста было произведено 28 или 29 сентября (н. ст.). 28 сентября Пейрюсс который наблюдал приготовления к снятию креста (см. выше) сделал следующую запись в дневнике:

Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был снят и помещен на дом Инвалидов. Я отметил, что в то время как рабочие были заняты этим делом, огромные стаи ворон, без перерыва кружившие в воздухе, оглушали своим непрерывным карканьем²⁸.

На следующий день, 29 сентября, в дневнике появилась следующая запись:

Я наблюдал из своей комнаты все те приготовления, которые делались для того, чтобы сбить и поднять огромный крест. В момент, когда он уже более не держался, канаты одного из “козлов” лопнули; равновесие было нарушено, и тяжесть цепей увлекла крест и часть лесов. Когда он упал, земля содрогнулась под его огромной тяжестью, и крест сломался на три куска²⁹.

То, что снятие креста произошло именно в эти дни, подтверждают и воспоминания Бургоня, также достаточно точно передающие события московского периода. Применительно к 24 сентября (н. ст.) Бургонь пишет:

На самой высокой колокольне виднелся крест Ивана Великого, господствовавший над всем; он имел тридцать футов вышины, и был сделан из дерева, окованного массивными серебряными вызолоченными полосами; несколько цепей, также золоченых, поддерживали его со всех сторон.

И далее:

Несколько дней спустя рабочая команда, плотники и другие были отряжены снять этот крест для перевозки его в Париж в виде трофея. Но когда его стали снимать, он покачнулся, увлекаемый

28. « [Sa Majesté] ordonna que la croix de Saint Yvan serait enlevée pour être replacée sur le dôme des Invalides. Je remarquai que pendant que les ouvriers étaient occupés à ce travail une multitude considérable de corbeaux rôdant sans cesse autour d’eux les assourdisaient par leurs éternels croassements» (Peyrusse, *op. cit.*, p. 105).

29. « Je voyais de ma chambre tous les préparatifs qui avaient lieu pour déraciner et soulever la grande croix. Au moment où elle ne tenait plus, un des câbles d’une chèvre vint à se rompre ; l’équilibre fut perdu, le poids des chaînes entraîna la croix et une partie de l’échafaudage. En tombant, la terre trembla sous ce poids énorme, et la croix se rompit en trois morceaux» (*Ibid.*, p. 106).

собственной тяжестью, и, падая, чуть не убил и не потянул за собой людей, державших его за цепи...³⁰

И все же... Есть указания на то, что снятие креста могло произойти и намного позже 29 сентября. Прежде всего, это может следовать из воспоминаний Боссе, которые вышли в 1827 г. Боссе пишет, что «за несколько дней до нашего отправления [из Москвы] большой крест Ивана, который венчал позолоченную верхушку огромной колокольни Кремля, был спущен. Огромные стаи грачей ворон, собравшиеся на ободранном куполе..., своими криками, казалось, оплакивали свою потерю и провозглашали приход суровой зимы»³¹. С мемуарами Боссе вполне согласуются воспоминания Дюма, опубликованные в 1839 г.:

Что бы ни было, Наполеон действовал так, как если бы война окончательно была решена в Москве. Отгрузка трофеев, которые он обобрал в Кремле, доказывала существование этого принесшего несчастья убеждения. В один из дней я с кн. Ваграмским <маршал Л. А. Бертье [Louis Alexandre Berthier (1753-1815)], начальник Главного штаба Великой армии – В. З.> был на балконе апартаментов императрицы, которые он занимал, и которые были значительно выше апартаментов императора. Мы наблюдали тщетные усилия, которые предпринимали рабочие под управлением инженеров, чтобы спустить с верха купола главной церкви, объекта почитания и восхищения русского народа, который, думали, был из чистого золота (он был из медных пластин листового золота). Этот крест не мог быть сброшен без того чтобы не разрушить верхушку купола, к которой он был основательно прикреплен, и пришлось часть распилить; он упал со страшным грохотом на землю и распался на куски, затем тщательно упакован для транспортировки в Париж³².

30. «Sur la plus haute des tours, l'on y voyait la croix du grand Ivan, qui domine le tout ; elle avait trente pieds de haut, elle était en bois, recouverte de fortes lames d'argent doré : plusieurs chaînes aussi dorées la tenaient de tous les côtés. Quelques jours après, des hommes de corvée, charpentiers et autres, furent commandés pour la descendre, afin de la transporter à Paris comme trophée, mais, en la détachant, elle fut emportée par son poids ; elle faillit tuer et entraîner avec elle tous les hommes qui la tenaient par les chaînes...» (A. J. B. F. Bourgogne, *Mémoires du sergent Bourgogne*, Paris, Hachette, 1900, p. 41).

31. «... some days before our departure, the large cross of Yvan, which crowned the golden pinnacles of the great churches, was taken down. Vast companies of rooks, collected on the domes despoiled of their ornaments, seemed by their croaking to mourn their loss and proclaim the premature severity of the winter» ([Bausset,] *op. cit.*, p. 314).

32. «Quoi qu'il en soit, Napoléon agit comme si la guerre devait se terminer à Moscou. L'enlèvement des trophées dont il dépouilla le Kremlin, démontre assez cette malheureuse conviction. J'étais un jour seul avec le prince de Wagram [le maréchal A. Berthier – V. Z.] sur le balcon de l'appartement de l'impératrice, qu'il occupait, et qui était fort élevé au-dessus de celui de l'empereur. Nous observions les vains efforts que faisaient des ouvriers sous la direction des ingénieurs, pour détacher de dessus le dôme de la principale église, l'immense croix dite la croix d'Ivan, objet de la vénération et de l'admiration du peuple russe, qui la

Наконец, обратимся к записи за 16 октября (н. ст.) в дневнике Э. В. Э. Б. Кастеляна [Esprit Victor Élisabeth Boniface, comte de Castellane (1788-1862)], адъютанта Л. Нарбонна [Louis-Marie-Jacques-Almaric, comte de Narbonne-Lara (1755-1813)], генерал-адъютанта императора: «Рушат часть купола собора Кремля и крест Ивановича; свалившись, он сломался»³³.

Возникает ощущение deja vu. Кажется, что авторы описывают одно и то же событие (кружение стай птиц, те же трудности при снятии креста, сломавшийся крест...), но которое произошло, по крайней мере, дважды³⁴. Приведем для полноты картины еще два отрывка – из книги Сегюра и мемуаров генерал-адъютанта Наполеона Ж. Раппа [Jean Rapp (1771-1821)], авторы которых не могли быть знакомы ни с дневником Пейрюсса, ни с дневником Кастеляна, ни, тем более, с воспоминаниями Бургоня. Сегюр сообщает читателям:

Во время работ на этой колокольне было замечено, что стаи ворон беспрестанно кружат над крестом, и их унылое карканье, надоедавшее Наполеону, заставило его воскликнуть, что стаи этих зловещих птиц как будто хотят защитить крест! Неизвестно, какие мысли смущали Наполеона в эти критические минуты, но все знали, что он легко поддается всяким предчувствиям³⁵.

Рапп в своих воспоминаниях пишет так: «Видете ли вы, как тучи ворон кружили вокруг этого железа (la ferraille); хотят ли они помешать нам увезти его?»³⁶

И все же речь, по-видимому, идет об одном и том же событии, которое произошло 28 или 29 сентября. Запись Кастеляна не следует

croyait d'or massif (elle était de cuivre plaqué de plusieurs feuilles d'or). Cette croix ne pouvant être arrachée sans détruire la clef de la coupole, dans laquelle elle était profondément scellée, on prit le parti de la scier et limer ; elle tomba avec un grand fracas sur le sol, et fut ensuite dépecée et soigneusement emballée pour être transportée à Paris» (Dumas, *op. cit.*, p. 455-456). Этот эпизод, описанный, безусловно, на основе мемуаров Дюма, имеется и в воспоминаниях Л. М. Ж. А. Нарбонна, генерал-адъютанта императора, составленных его секретарем А. Ф. Вильменом [Abel-François Villemain] (A. Fr. Villemain, *Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature*, Paris, Didier, 1854, t. 1, p. 232).

33. «On abat une partie du dôme du Kremlin et la croix d'Ivanowitch ; en tombant, elle se casse» (E. V. E. B. Castellane, *Journal*, Paris, Plon, 1895, t. 1, p. 170).

34. Можно было бы предположить, что французы сбрасывали два креста – с колокольни Ивана Великого и, скажем, с рождественской звонницы или Филаретовой пристройки. Но, по всей видимости, это маловероятно.

35. «Pendant les travaux, on remarqua qu'une foule de corbeaux entouraient sans cesse cette croix, et que Napoléon, fatigué de leurs tristes croassements, s'écria "qu'il semblait que ces nuées d'oiseaux sinistres voulussent la défendre". On ignore, dans cette position si critique, quelles étaient toutes ses pensées, mais on le savait accessible à tous les presentiments» (Ségur, *op. cit.*, p. 64).

36. «Voyez quelle nuée de corbeaux voltigent autour de cette ferraille ! Veulent-ils aussi nous empêcher de l'emmener ?» (J. Rapp, *Mémoires*, Paris, Bossange – Didot, 1823, p. 220).

понимать так, как будто снятие креста было именно 16 октября: судя по контексту, автор дневника просто констатировал факт того, что крест был снят, а соборы обобраны³⁷. Что же касается воспоминаний Боссе и Дюма, а тем более Нарбонна, то точного указания на день снятия креста у них все же нет.

Этот, казалось бы, частный вопрос – когда именно французские солдаты снимали крест с колокольни – помогает оценить тот факт, что обезглавливание, как полагали французы, главной русской святыни, стало для них событием значительным, можно сказать, символическим, и в плане факта победы над русскими, и в плане проявления самонадеянной дерзости Наполеона, которая, как многие считали, стала причиной краха для Великой армии русского похода. Каждый француз, вознамерившийся оставить после себя воспоминания о русской эпопее 1812 года, считал обязательным написать о снятии креста с колокольни Ивана Великого.

Любопытно, что Наполеон об этом кресте не только не упоминал в своих воспоминаниях, но даже и в бюллетенях Великой армии, которые всегда (или почти всегда) диктовал лично. Вот, к примеру, 23-й бюллетень от 9 октября (н. ст.), где и говорилось о «московских трофеях»: «Знамена, взятые русскими у турок в ходе разных войн, и другие многочисленные вещи, бывшие в Кремле, отправлены в Париж. Найдена Мадонна, украшенная бриллиантами, она также отправлена в Париж»³⁸. Этот бюллетень хорошо согласуется с теми документами, которые в 1846 г. опубликовал Сент-Илер, и в которых если и упоминаются кресты («Деревянный крест, содержащий в себе частицы подлинного креста (т. е. креста, на котором был распят Христос – В. З.)»; «Другой небольшой крест, украшенный цветными камнями»), то явно иные. Несмотря на разночтения в документах, очевидно, что обоз с этими «трофеями», среди которых определенно не было креста с колокольни Ивана Великого или его фрагментов, отправился из Москвы в путь в начале десятых чисел октября³⁹. Крест мог отбыть только со вторым «трофейным» обозом, который выступил к вечеру 19 октября (н. ст.) в

37. Мы не могли не задаться вопросом, почему Кастелян не внес в дневник запись о снятии креста 28-го или 29-го сентября. Судя по тексту дневника, Кастелян мог сам и не видеть, как крест снимали, а только позже услышал об этом.

38. «Les drapeaux pris par les Russes sur les Turcs, en différentes guerres, et plusieurs curiosités trouvées dans le Kremlin, ont été expédiés pour Paris. Nous avons trouvé une Madone enrichie de diamants; elle a été aussi envoyée à Paris» (*Œuvres de Napoléon I^{er}*, Paris, 1827, t. 5, p. 67-68).

39. Castellane, *op. cit.*, p. 167; A. J. F. Fain, *Manuscrit de 1812*, Paris, Delaunay, 1827, t. 2, p. 149; P. P. Denniée, *Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812*, Paris, Paulin, 1842, p. 105, note; «Коленкур – графине Нансути, Москва, 15 октября (н. ст.) 1812 г.», in *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*, publ. S. E. M. Goriainow, Paris, La Sabretache, 1913, p. 151; Попов, ук. соч., с. 130-131; и др.

сопровождении солдат из дивизии Роге [François Roguet (1770-1846)] Молодой гвардии. Накануне, 18 октября, готовясь к отъезду из Москвы, Наполеон отдал Бертье следующий приказ: «Дивизия Роге остается здесь до завтра; она уйдет завтра вечером, эскортируя казну и главную квартиру интенданта»⁴⁰.

Сам Роге напишет в мемуарах следующее:

19-го вечером, согласно приказу Наполеона, я выступил из этого города, эскортируя казну и главную квартиру интенданта; я увозил трофеи Кремля, среди которых был крест Ивана (la croix d'Ivan), многочисленные священные для императоров предметы, все знамена, взятые у турок в течение столетия, мадонну, украшенную драгоценными камнями, изготовленную в 1740 для императрицы Анны Ивановны как память о победах над поляками и взятии Данцига в 1733. казна состояла из серебряных монет и из слитков, сделанных из вещей, найденных в достаточно большом количестве среди развалин Москвы⁴¹.

Бросается в глаза, что текст Роге определенно перекликается с текстом 23-го бюллетеня!⁴² Ответ этому недоумению находим далее,

40. «La division Roguet restera ici la journée de demain ; elle partira demain soir, escortant le trésor et le quartier général de l'intendant» («Наполеон – Бертье, Москва, 18 октября (н. ст.) 1812 г.», in *Correspondance de Napoléon I^{er}*, Paris, H. Plon – J. Dumaine, 1868, t. 24, № 19285, p. 273. Бригадный генерал, командир бригады 2-й пехотной дивизии из корпуса Л. Н. Даву А. Б. Ж. Дедем ван де Гельдер написал в мемуарах так: «Золотой крест с колокольни Ивана Великого, а также набальзамированная рука святого, патрона города, одно кресло из императорского дворца и несколько других редкостей были вывезены с казной» («La grande croix qui était placée sur le dôme de l'église de Saint-Ivan, ainsi que la main embaumée du saint, patron de la ville, un fauteuil du palais impérial et quelques autres objets curieux avaient été expédiés avec le trésor», Dedem de Gelder, *Mémoires du général Dedem de Gelder*, Paris, E. Plon, 1900, p. 266).

41. «Dès le 19 au soir, par ordre de Napoléon, j'étais parti de cette ville escortant le trésor et le quartier général de l'intendant ; j'emportais les trophées du Kremlin parmi lesquels la croix d'Ivan, plusieurs ornements pour le sacre des empereurs, tous les drapeaux pris aux Turcs depuis un siècle, une madone enrichie de pierres précieuses, donnée, en 1740, par l'impératrice Anne Iwanowa, comme souvenir de victoires contre les Polonais et de la prise de Dantzig en 1733. Le trésor se composait d'argent monnayé ou de lingots extraits des objets trouvés en assez grand nombre dans les décombres de Moscou» (Fr. Roguet, *Mémoires militaires*, Paris, J. Dumaine, 1865, t. 4, p. 497).

42. Влияние этого бюллетеня явно чувствуется и у Ж. Шамбре [Georges, marquis de Chambray (1783-1848)], участника событий и историка кампании: «Был отправлен конвой с трофеями, состоящий из турецких знамен и других вещей, которые Наполеон похитил из церквей Кремля, и тот самый огромный крест, покрытый золотом и венчавший столп Ивана Великого, и который не имел никакого значения, кроме того что был объектом почитания для русских» («Le convoi des trophées contenait des drapeaux turcs et d'autres que Napoléon avait fait enlever dans les églises du Kremlin, et cette grande croix de cuivre doré qui surmontait la tour d'Ivan Weliki, et qui n'avait d'autre mérite que

когда Роге повествует о событиях на Березине. Он пишет так: «Здесь я потерял мою корреспонденцию. Детали, ускользающие сегодня из моей памяти, опущены»⁴³.

Если Роге и вывозил 19 октября крест Ивана Великого, то в тот же день фрагменты этого креста «выходили» из Москвы в ранцах солдат и сержантов Великой армии. Бургонь вспоминал, что в его ранце «... среди прочего был обломок креста Ивана Великого, а именно кусочек, покрывавшей его серебряной вызолоченной обшивки; мне его дал один солдат из команды, которая была наряжена для снятия креста с колокольни»⁴⁴.

И уж полная неразбериха начинается, когда мемуаристы (иных документов не выявлено) повествуют о судьбе «московских сокровищ», среди которых был крест Ивана Великого! По-видимому, первым, кто заявил о судьбе креста во всеуслышание, был Э. Лабом [Eugène Labaume (1783-1849)], чья книга вышла в 1815 г., и с которой успел даже познакомиться бывший император на о-ве Св. Елены. По версии Лабома, который служил инженером-капитаном в штабе 4-го армейского корпуса, и вряд ли имел прямое отношение к «сокровищам», двигавшимся с остатками дивизии Роге, крест был брошен вместе со знаменами, вывезенными из Кремля, после Вильно по дороге на Ковно⁴⁵. Хотя в тексте и не называется некая возвышенность, где это произошло, но определенно Лабом имел ввиду Понарские холмы.

Следующим по времени автором, заявившем о месте «сокрытия» креста, стал Сегюр, выпустивший книгу в 1824 г. Его версия нам уже хорошо известна: крест должен был лежать в «Семлевском озере».

d'être un objet de vénération pour les Russes», G. de Chambray, *Histoire de l'expédition de Russie*, Paris, Pillet Aîné, 1838, t. 3, p. 475, n. 1).

43. «Là, je perdis ma correspondance ; des détails intéressants, échappés aujourd'hui de ma mémoire, seront donc omis» (Roguet, *op. cit.*, p. 535).

44. «... entre autres un morceau de la croix du grand Ivan, c'est-à-dire un morceau de l'enveloppe qui la recouvrait, qui était d'argent doré et qui m'avait été donné par un homme de la compagnie qui avait été commandé de corvée avec d'autres hommes du même état, couvreurs et charpentiers, pour la détacher» (Bourgogne, *op. cit.*, p. 46-47). В примечании Бургонь пишет следующее: «Я забыл упомянуть, что среди большого креста Ивана Великого был другой из массивного золота, около фута в длину» («J'ai oublié de dire qu'au milieu de la grande croix de Saint-Ivan, il s'en trouvait une petite en or massif, d'un pied de long», *ibid.*, p. 46, n. 1).

45. Eu. Labaume, *la Campagne de Russie*, Paris, Cosmopole, 2001, p. 296-297. Любопытно, что Дюма, взбиравшийся на эти высоты вместе с А.-Ш.-Н. А. Сен-Дидье [Alexandre-Charles-Nicolas Amé de Saint-Didier (1778-1850)], аудитором Государственного совета и префектом двора, который руководил грабежом кремлевских сокровищ, описывая разграбление фургонов с казной на Понарской горе, ни словом не обмолвился о кресте, как и о прочих «трофеях». О разграблении фургонов с казной, но также не упоминая о «трофеях», поведали и другие мемуаристы – Ж. Ф. Булар [Jean-François Boulart (1776-1842)], второй майор полка пешей артиллерии Старой гвардии, и М. Комб [Michel Combe (1787-1837)], су-лейтенант 2-го конно-егерского полка.

Однако Боссе, издавший воспоминания в 1827 г., напишет иначе: «Если я верно информирован, этот греческий крест вместе со многими другими драгоценными вещами, которые трудно было везти, был сброшен в Березину»⁴⁶. В середине XIX века Гадаруэль (отец Ладраг), издавший воспоминания шеваляе д'Изарна, заявил, что крест «был затоплен в каком-либо водоеме, возможно в Березине»⁴⁷.

Мемуары Роге вышли в свет в 1865 г. Генерал, чья дивизия сопровождала обоз с «московскими трофеями», среди коих находился крест, казалось бы, должен был прояснить вопрос о его судьбе. Но и Роге этого не сделал. О судьбе «московских трофеев» (и без упоминания о кресте!) Роге сообщал так: «Пушки и трофеи, которые мы не могли более транспортировать», сбросили в Семлевское озеро⁴⁸; а «остатки кремлевских трофеев» были «поглощены болотом», как можно понять, где-то 29 ноября в местечке К амень⁴⁹. Очевидно, что о событиях у Семлевского озера Роге, который, как мы уже знаем, утратил всю свою корреспонденцию на Березине, прочитал у Сегюра и воспроизвел этот эпизод с затоплением трофеев на страницах своей книги.

В конце XIX в. были изданы дневниковые записи Кастеляна, на которые никоим образом не могли повлиять ни работа Лабома, ни работа Сегюра или кого-либо еще. Кастелян, сделавший запись 15 ноября, упомянул о событиях в районе Красного, где казаки с артиллерией напали на хвост колонны, застрявшей при переправе через тесный мост: «Два ящика с трофеями, среди которых находился и крест с Ивана Великого, утонули, когда их пытались переправить по льду; погибли все – и люди, и лошади»⁵⁰.

В начале XX века в публиковавшихся воспоминаниях участников похода вновь упоминается Семлевское озеро⁵¹.

Что же касается французских историков, то представляется, что ни один из них так и не попытался прояснить вопрос о судьбе креста с колокольни Ивана Великого. После работы Сент-Илера, вышедшей в

46. «If I have been rightly informed, this Grecian cross was thrown into the Beresina, together with other valuable but cumbersome articles» ([Bausset,] *op. cit.*, p. 314).

47. «... est enfoncée dans la vase de quelque cours d'eau, peut-être de la Bérésina» [Ysarn de Villefort,] *op. cit.*, p. 78, n. Y.

48. «... les canons et des trophées que nous ne pouvions plus traîner [nous les avons jetés dans] le lac de Semlewo» (Roguet, *op. cit.*, p. 506). Отметим, что в 1911 г. А. Шюке публикует два донесения Роге, которые тот отправил Бертье 21 октября (н.ст.) 1812 г., т.е. уже после выхода из Москвы 19 октября (н. ст.), о том, что повозки, груженные трофеями из Москвы, не могут дальше идти из -за усталости лошадей и размытых дорог (А. Chuquet, *Lettres de 1812*, Paris, H. Champion, 1911, sér. 1, n^{os} 37, 38, p. 96-98).

49. «... le reste des trophées du Kremlin [furent] engloutis dans un marais» (Roguet, *op. cit.*, p. 536).

50. Castellane, *op. cit.*, p. 187.

51. H. F. Biot, *Souvenirs anecdotiques et militaires*, Paris, Henri Vivien, 1901.

1846 г. и переизданной в 2003 г., в которой упоминалось о потере креста французами при Березине⁵², об этом написали только два французских автора русского происхождения. В 1963 г. К. Грюнвальд, публикуя фрагмент из воспоминаний Боссе, где говорилось о затоплении креста в Березине, попытался оспорить его и, сославшись на Лабома, заявил об утрате креста после Вильно⁵³. Наконец, Дарья Оливье в книге о пожаре Москвы, весьма путано изложив сюжет о «кремлевских трофеях» и кресте, вообще обойдет молчанием его последующую после вывоза из Москвы судьбу⁵⁴.

В целом, представляется, что все (или почти все) сведения, исходившие от мемуаристов Великой армии, и даже их дневниковые записи, говорившие о последующей после снятия с колокольни судьбе креста, рождены были исключительно слухами, ходившими среди наполеоновских солдат. Даже воспоминания Роге, который должен был сопровождать поверженный крест, совершенно не проясняют этот вопрос, а только еще больше его запутывают. Создается впечатление, что для самого Наполеона, который и был инициатором снятия креста (здесь мы опускаем истории, рассказанные Коленкурром и д'Изарном, о нашептывании поляками императору историй о священном значении этого креста для русских), этот вопрос представлял незначительный, если вообще представлял какой-то интерес. Несмотря на то, что крест был снят 28-29 сентября, Наполеон не позаботился о том, чтобы увезти его с первым же «трофейным обозом» в начале 10-х чисел октября, и даже не упомянул о нем в 23-м бюллетене. Создается впечатление, что поломка креста при падении с колокольни заставила Наполеона отказаться от мысли о перевозке его в Париж, и остов креста, с ободранной обшивкой, которую пустили на переплавку, так и остался лежать возле Успенского собора.

После ухода из жизни участников русского похода и прекращения публикации их дневников и воспоминаний, история о кресте, сброшенном Наполеоном с кремлевской колокольни, потеряла для французов вообще какой-либо интерес.

Совершенным контрастом выглядит история русской традиции легенды о кресте. Импульсом к ее пробуждению и даже формированию стала малозначащая фраза Сегюра о затоплении креста в Семлевском озере, воспроизведенная в русском переводе книги Вальтера Скотта. С этого времени начинаются интенсивнейшие поиски креста, которые не прекращаются и по сегодняшний день. При этом гигантские усилия

52. É. Marco de Saint-Hilaire, *Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812*, Paris, Eugène et Victor Penaud, 1846, t. 2, p. 169.

53. C. de Grünwald, *la Campagne de Russie*, Paris, Roger Jean Ségalat, 1963, p. 242.

54. D. Olivier, *l'Incendie de Moscou*, Paris, R. Laffont, 1964, p. 153-154.

«поисковиков», как правило, проходили на фоне отсутствия квалифицированной теоретической проработки вопроса на основе письменных источников. Думается, что известный скепсис, выражаемый современными профессиональными историками в отношении перспектив поиска креста с колокольни Ивана Великого, нисколько не повлияет на интенсивность процесса генерации легенд о его местонахождении. Россияне и дальше будут продолжать его поиски.

Мой земляк, екатеринбуржец А. М. Архипов, один из тех энтузиастов, которые ежегодно едут в Белорусские леса в поисках следов великой эпопеи 1812 года, рассказал мне следующее:

... Однажды, весной 1978 года, на опушке леса возле Студенки, я встретил старушку лет восьмидесяти, если не больше, которая что-то увлеченно собирала. Это была местная знахарка, которая с наступлением погожих дней вышла пополнить свои лекарственные припасы. Бабушка оказалась словоохотливой, чему я обрадовался. Выслушав курс молодого травника, я попросил ее припомнить, что рассказывали ей старики о войне с Наполеоном. О той войне подробностей от своих предков, исстари живших в Студенке, она не слышала, но, оживившись, стала рассказывать о днях своей юности. Было это еще до революции: «Когда я была молодухой, мы с парнями часто ездили миловаться на лодках в камыши в устье речки, впадающей в Березину. Место это привлекало нас еще тем, что черпая ковшиком придонный ил, можно было намыть несколько не просто монет, а червонцев! Наши-то червонцы были хороши, а вот французские – почти все зеленые, похуже!» А потом она неожиданно вспомнила: «Студенковские мужики вот здесь, – она показала рукой, – перерыли весь правый берег этой речушки, искали закопанный французами большой золотой крест с колокольни Ивана Великого. Знали об этом в каждой семье нашей деревни, но крест так и не нашли». Еще немного помолчав, она добавила: «Он обязательно найдется, так как Земля золото долго не терпит! Со временем она вытолкнет его на свет Божий...»

ЛИТЕРАТУРА

- [BAUSSET L. F. J. de,] *Private anecdotes of Foreign Courts*, London, Henry Colburn, 1827, Vol. 2, 405 p., p. 314.
- [БОВОЛЬЕ (BEAUVOLLIER Antoine),] «Записки современников о 1812 году», *Русская старина*, 1893, № 1, т. 77, с. 18.
- БИОТ Н. F., *Souvenirs anecdotiques et militaires*, Paris, Henri Vivien, 1901, 554 p.

- BOURGOGNE A. J. B. F., *Mémoires du sergent Bourgogne*, Paris, Hachette, 1900, 251 p., p. 41.
- CASTELLANE E. V. E. B. de, *Journal*, Paris, Plon, 1895, t. 1, 477 p., p. 170.
- CAULAINCOURT A. A. L. de, *Mémoires*, Paris, Plon, 1933, t. 2, 426 p., p. 37, n. 2.
- CHAMBRAY G. de, *Histoire de l'expédition de Russie*, Paris, Pillet Ainé, 1838, t. 3, 519 p., p. 475, n. 1.
- CHUQUET A., *Lettres de 1812*, Paris, H. Champion, 1911, sér. 1, № 37, 38, 368 p., p. 96–98.
- DENNIÉE P. P., *Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812*, Paris, Paulin, 1842, 212 p., p. 105.
- ДУБРОВИН Н., *Отечественная война в письмах современников*, Москва, ГПИБ, 2006, 671 с., № 256, с. 336, 337.
- DUMAS M., *Souvenirs*, Paris, E. Dumoulin, 1839, t. 3, 612 p., p. 455, 456.
- FAIN A. J. F., *Manuscrit de 1812*, Paris, Delaunay, 1827, t. 2., 494 p., p. 149.
- ГРУЦО И. А., *Сокровища Наполеона : история, версии, поиски, картография*, Москва, Военное изд., 2010, 496 с., с. 49, 50.
- GRÜNWALD C. de, *la Campagne de Russie*, Paris, Roger Jean Ségalat, 1963, 411 p., p. 242.
- « Коленкур — графине Нансути, Москва, 15 октября (н. ст.) 1812 г. », in *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*, publ. S. E. M. Goriaïnow, Paris, la Sabretache, 1913, XVI-440 p., p. 151.
- КОСАРЕВ А. Г., СОТСКОВ Е. В., *В поисках сокровищ Бонапарта : русские клады французского императора*, Москва, Вече, 2005, 320 p.
- КУТУЗОВ М. И., *Сборник документов*, Москва, Воениздат, 1955, т 4, ч. 2. № 545, 851 с.
- LABAUME Eu., *la Campagne de Russie*, Paris, Cosmopole, 2001, 359 p., p. 296, 297.
- MARCO DE SAINT-HILAIRE É., *Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812*, Paris, Eugène et Victor Penaud frères, 1846, t. 2, 304 p., p. 169.
- NAPOLEON I^{er}, *Œuvres de Napoléon I^{er}*, Paris, 1827, t. 5, p. 67, 68.
- « Наполеон — Бертье, Москва, 18 октября (н. ст.) 1812 г. », in *Correspondance de Napoléon I^{er}*, Paris, H. Plon, J. Dumaine, 1868, t. 24, 558 p., № 19285, p. 273.
- Новое время*, 1911, 28 июля.
- OLIVIER D., *l'Incendie de Moscou*, Paris, R. Laffont, 1964, 266 p., p. 153, 154.
- « Письмо неизвестного, февраль 1813 г. », в сб.: *Наполеон в России глазами русских*, Москва, Захаров, 2004, 526 p.
- REYRUSSE G. J., *Mémorial et archives, 1809–1815*, Carcassone, P. Labau, 1869, 350 p., p. 105.
- ПОПОВ А. И., « Кремлевские трофеи Наполеона », в сб.: *Эпоха 1812 года : исследования, источники, историография : сборник научных трудов*, т. VII (Тр. ГИМ, вып. 179), Москва, ГИМ, 2008, с. 126–134.
- RAPP J., *Mémoires*, Paris, Bossange – Didot, 1823, 365 p., p. 220.

- ROGUET Fr., *Mémoires militaires*, Paris, J. Dumaine, 1865, t. 4, 660 p., p. 497.
- ROSTOPCHINE F. V., *la Vérité sur l'incendie de Moscou*, Paris, Ponthieu, 1823, 47 p., p. 38.
- SÉGUR Ph.-P. de, *Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812*, 4^e éd., Bruxelles, Arnold Lacrosse, 1825, t. 2, 334 p., p. 131.
- SCOTT В., *Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов*, пер. с англ. С. де Шаплет, в 14 ч., Санкт-Петербург, Тип. И. Глазунова, А. Смирдина, 1831–1832.
- SURUGUE A., *Mil huit cent douze : les Français à Moscou*, publ. R. P. Libercier, Moscou, F. Tastevin, [1909,] 71 p., p. 50, 51.
- Сын отечества*, 1813, № 9.
- VAN DEDEM DE GELDER Frédéric Gilbert, *Mémoires du général Dedem de Gelder*, Paris, E. Plon, 1900, 414 p., p. 266.
- Вестник Европы*, 1813, ч. 67, № 1, с. 149 (опубликовано в № 1-2, с. 149-150).
- VILLEMMAIN A.-Fr., *Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature*, Paris, Didier, 1854, t. 1, 494 p., p. 232.
- VIONNET de MARINGONÉ L. J., *Campagnes de Russie et de Saxe (1812–1813) : souvenirs d'un ex-commandant de grenadiers de la Vieille-Garde*, Paris, E. Dubois, 1899, 193 p., p. 57.
- [YSARN de VILLEFORT F. J. d'], *Relation du séjour des Français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812...*, publ. A. Gadaruël, Bruxelles, Fr.-J. Olivier, 1871, 190 p., p. 45.